

вилась на одном моменте его бурной жизни — на борьбе с манджуро-китайцами, она приукрасила поступки своего героя и сделала его последним борцом за независимость, за независимое и славное существование ойратского племени. И Амурсана превратился в идеальный образ, о котором мечтали, которого хотели иметь в прошлом и будущем, хана-вождя народа, вождя славных „четырёх ойратов“» [Владимирцов 2002: 272].

Уже во второй половине XVIII в. предание об Амурсане подверглось литературной обработке и письменной фиксации в «Сказании о дурбэн-ойратах». Примечательно, что обе версии, устная и письменная, как отметил Б. Я. Владимирцов, «с особым вниманием останавливаются не на подвигах своего героя, а на его будущем возвращении к родному народу» [Владимирцов 2002: 276]. Ойраты, пережившие в середине XVIII в. национальную трагедию (гибель своего государства — Джунгарского ханства — и истребление наиболее многочисленной этнической группы джунгаров), не смирились с диктатом чужеземных захватчиков. Они связывали надежды на лучшее будущее с именем Амурсаны. Эта вера поддерживалась в народе полтора столетия и вылилась в 1912 г. в крупное народное движение в Западной Монголии.

Если использовать «Сказание о дурбэн-ойратах» как исторический источник, то оно не восстанавливает фактической канвы

событий, но в своей совокупности помогает взглянуть как бы изнутри на события 30–50-х гг. XVIII в. в Джунгарии, непосредственно предшествовавшие крушению Джунгарского ханства. Следует отметить, что в нем отразились идеализированные оценки отдельных событий и лиц и историческое мышление народа, довольно архаичное и упрощенное.

Литература

- Владимирцов Б. Я. Монгольские сказания об Амурсане // Восточные записки. Т. 1. Л., 1927. С. 271–282.
- Владимирцов Б. Я. Работы по истории и этнографии монгольских народов. М.: Вост. лит., 2002. 557 с.
- Златкин И. Я. Русские архивные материалы об Амурсане // Филология и история монгольских народов. М.: Наука, 1958. С. 289–313.
- Златкин И. Я. История Джунгарского ханства (1635–1758). М.: Наука, 1964. 470 с.
- Моисеев В. А. Джунгарское ханство и казахи (XVII–XVIII вв.). Алма-Ата: Гылым, 1991. 238 с.
- Моисеев В. А. Россия и Джунгарское ханство в XVIII веке (Очерк внешнеполитических отношений). Барнаул: Изд-во АГУ, 1998. 176 с.
- Санчилов В. П. «Илэтхэл шастир» как источник по истории ойратов. М.: Наука, 1990. 137 с.
- Ойрад Монголын түүхэнд холбогдох сурвалж бичгүүд – I. Эмхтгэж, тод болон худам монгол бичгээс кирил бичигт буулган, тайлбар хийсэн На. Сухбаатар. Улаанбаатар, 2001. С. 19–81.
- Тод үсгийн дурсгалууд / ред. проф. Лувсандэндэв. Улаанбаатар, 1976. С. 331–377.
- Oyirad teüken surbulji bičig. (Серия: Oyirad soyol-un degeji). Öbör Mongol-un soyol-un keblel-ün qoriya, 1985. X. 267–305.
- Oyirad tüükiyin surbulji bičiq. Šinjijang-giyin aradiyin kebleliyin qorõ, 1992. X. 272–313.

УДК 94«04/14»

ББК 63.3 (2Рос=Калм) + (2Рос=Тат)

КУЧУМОВИЧИ И КАЛМЫКИ: ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЙ МЕЗАЛЪЯНС

В. В. Трепавлов

26 октября 1582 г. сибирского хана Кучума постиг сокрушительный, полный разгром от казачьего отряда Ермака на Чувашском (Чувашевском) мысу, под стенами своей столицы Искера. На протяжении многих лет он скитался в степях, нападая на свои бывшие владения и неоднократно терпя поражения от русских войск. Окончательно он был разбит на р. Оби в августе 1598 г., бежал в Ногайскую Орду, где и умер около 1601 г. Место покойного хана заняло его воинственное потомство. В Западной Сибири,

Башкирии и на севере казахских степей началась эпоха Кучумовичей.

Хотя мечты о возрождении татарской монархии в Сибири никогда не оставляли ханскую семью, она была поставлена в такие условия, что зачастую приходилось думать не столько о вооруженной борьбе с превосходящими силами воевод, сколько о выживании. Жизнь потомков Кучума в степях можно в целом охарактеризовать как «прозябание» в окружении немногочисленных верных подданных и постоянно меняю-

щихся, приходящих и уходящих временных соратников. Они не смогли бы продержаться в своем «казачьем»¹ состоянии на протяжении нескольких десятилетий, если бы судьба не послала им партнеров и союзников. В качестве таковых эпизодически выступали ногаи, гораздо чаще — башкиры, но настоящим тылом и многолетней опорой Кучумовичей стали новые фигуранты сибирской истории XVII в. — калмыки. Именно в альянсе с ними свергнутые татарские династии превратились в постоянный раздражающий военный фактор для русских властей.

Присутствие калмыков (западных монголов-ойратов)² в степях Юго-Западной Сибири начинает ощущаться в конце XVI в. Это были пока первые сигналы широкой миграции, которая развернется в следующем столетии. Связи Кучума с пришельцами из Монголии были, судя по всему, редкими и эпизодическими. К тому же эти связи омрачались воспоминаниями о прежних стычках периода независимого ханства: в описаниях похода Ермака по Иртышу в августе 1584 г. упоминается «городок Куллары, и той опасной краиной Кучумовской *от калмык* [здесь и далее курсив автора — В. Т.], и во всем верх Иртыша крепче его нет» [Сибирские летописи 1907: 342]³. Правда, воеводские отписки иногда сообщают о пребывании свергнутого хана «в собрание со всеми людьми и с колмаки» (однажды названа численность последних — 30 человек) [РГАДА. Ф. 214. Кн. 11. Л. 403; Материа-

лы ... 1932: 297; Миллер 1999: 494], что не исключало конфликтов между сибирцами и калмыками.

В то время нехватка пастбищных территорий, междоусобные распри, неудачи в противостоянии с соседями вынуждали ойратов искать новые земли для поселения и кочевания. До второй половины XVI в. они стремились развернуть экспансию из Западной Монголии в направлении Восточного Туркестана и узбекских ханств для установления контроля над торговыми путями и подчинения земледельческих областей. Одновременно они вели тяжелые войны с восточными монголами (*халха*) за контроль над всей Монголией и с казаками за пастбища. Неоднократные поражения в этих конфликтах вызвали, в частности, изменение в направлении миграций. Вытесненные из Монголии предводители торгутов и дербетов во главе своих соплеменников двинулись севернее, в обход казахских владений, и столкнулись с Ногайской Ордой и Сибирским ханством. Первая до конца XVI в. успешно отбивала их поползновения проникнуть вглубь Дешт-и-Кипчака, второе же пыталось обезопасить свои рубежи. В той ситуации Кучум и возвел крепость Кулары на Иртыше. Ермаку не удалось взять этот городок после пятидневной осады [Сибирские летописи 1907: 342]. Следовательно, он являл собой мощное фортификационное сооружение, надежно охранявшее путь по реке.

После своего поражения в 1598 г. Кучум, по донесениям источников, двинулся в «Колмацкую землю». Там его спутники угнали конский табун и скот, но калмыки настигли похитителей, отняли у них добычу и убили нескольких татар [Сибирские летописи 1907: 80; Полное собрание летописей 1987: 68, 69; Летописи сибирские 1991: 206, 208]. Автор летописи С. У. Ремезов уточняет путь передвижения: «в Каинскую землю к вершинам Иртышу реки на озеро Зайсан-Нор», а калмыки уже настигли его «на Нор-Ишиме у озера Кургальчина» [Сибирские летописи 1907: 352], т. е. Кучум пересек Барабинскую степь и направился вдоль Иртыша к его верхнему течению, к озеру Зайсан, а затем отошел на запад — в верховья Ишима и Нуры. Историк Г. Е. Катанаев сомневался в столь далеком перемещении разгромленных татар, считая, что, натолкнувшись в верховьях Ишима на калмыцкие кочевья, они угнали табун и попы-

¹ Утратив власть, сибирский хан и его потомство в терминологии того времени превратились в *казак*. Этим старинным тюркским словом на Востоке первоначально обозначали людей, которые по разным причинам теряли связь со своим родом или общиной и вели жизнь бесприютных скитальцев, зачастую добывая средства для существования грабежами и разбоями. Позднее понятие «казак» приобрело и другие значения, как, например, в русском языке. Чтобы отличить вольных изгоев-татар от русских служилых казаков, состоявших на государственной-государевой службе, мы будем первых ставить в кавычки. Таким образом, Ермак и его сподвижники, а также соответствующая категория жителей сибирских городов и острогов — это казаки, а Кучум и Кучумовичи — «казаки». В русских источниках XVII в. к ним применяли меткое обозначение «бродячие царевичи». Оно с предельной точностью передает и социальное положение, и образ жизни высококордных изгнанников и изначальное, тюркское, значение понятия «казак».

² Когда речь идет о северо-западной (сибирской) группировке ойратских племен, мы употребляем этнонимы *ойраты* и *калмыки* как синонимы.

³ Возможно, это городище Малые Кулары I в Тевризском районе Омской области (см.: [Палашенков 1979: 88–89]).

тались скрыться в глухих степях верхнего Приишимья [Катанаев 1893: 42, 43]. Неубедительной выглядит и версия царевича Каная б. Кучума о том, что отца заманили «в Колмаки» бухарцы с намерением его убить [Миллер 2000: 197]. Впрочем, в той сумятице, когда следы Кучума затерялись в степях, истинного виновника его смерти было сложно определить.

С начала XVII в. и в течение первой половины столетия наметился довольно тесный альянс отдельных сибирских царевичей с тайшами калмыков, которые в то время активно мигрировали на запад и заселяли степные пространства современного Казахстана, заходя также на территорию Юго-Западной Сибири и Южного Урала.

После разгрома на Оби Кучум исчезает из политической жизни, и на первое место выходит его старший сын Али. 9 декабря 1600 г. тюменские воеводы направили к нему местного авторитетного татарина, хафиза Менглибая, с государевым «жалованным словом», т. е. с прощением провинностей и предложением служить царю. На случай, если Али не захочет служить, надлежало уговаривать его отправить в Тюмень брата, царевича Каная, а если не пожелает его отпускать, то другого брата — Хаджима. Однако через десять дней Менглибай вернулся ни с чем, не сумев отыскать в степях станы Кучумовичей.

Более успешно действовал уфимский воевода М. А. Нагой. Посланные им в сентябре 1600 г. дети боярские и служилые татары разыскали сибирских принцев с поручением звать их «на государево имя». Для этого нужно было ехать в Уфу, на что Али не согласился, но послал брата Ишима. Этого знатного визитера Михаил Нагой, «поив и кормив и государево царское жалованье ему платье и его людем дав», препроводил в Москву [Миллер 1999: 193–195; Русская ... 1875: стб. 275–277]. Детали его пребывания в Москве неизвестны.

Вскоре Ишим был отпущен, потом он воссоединился с братьями, оставшимися в Сибири. Вернувшись, он завязал тесные отношения с новыми соседями сибиряков — калмыками. В 1619–1620 гг. Ишим женился на одной из шести дочерей предводителя ойратского племени торгутов, тайши Хо-Урлюка [Русско-монгольские ... 1959: 105]. Став «калмыцким зятем», он обрел мощную поддержку

со стороны новой родни. Вместе с тем и для его тестя это был выгодный брак. Как верно заметил М. Ходарковский, позиции влиятельного Хо-Урлюка после выдачи дочери за Ишима еще более укрепились [Khodarkovsky 1992: 78]. Ведь предводители торгутов, к которым принадлежал этот тайша, считались не самыми высокородными среди ойратской знати. Только князья хошуттов возводили себя к «золотому роду» *борджигин*, т. е. сородичам Чингис-хана, а именно — к потомкам его младшего брата Хасара [История Калмыкии ... 2009: 301]. Породнение с чингисидскими династиями повышало знатность и аристократический статус торгутского лидера.

В первые годы XVII в. кочевья калмыков вплотную приблизились к районам, на которые распространялась власть тобольских, тюменских и тарских воевод. По подсчетам М. М. Батмаева, к российским рубежам в то время прикочевало около 60 тысяч кибиток, или 240 000 чел. [Батмаев 1993: 26]. Кучумовичи увидели в этих новых пришельцах потенциальных союзников, способных помочь конницей в набегах и предоставлении убежища в случае военных неудач. Правда, для тайшей связи с высокородными «казаками» стояли далеко не на первом месте. Теснимые с востока халха-монголами и единокровными ойратскими племенами, потерпев поражение в войне с казаками, они желали обрести пространство для кочевания главным образом за счет ослабленной и раздробленной Ногайской Орды. К сибирским пределам придвинулась многочисленная группировка владетельных князей, возглавлявшаяся дербетским тайшой Далай-Батыром и торгутским Дзорикту [Златкин 1983: 79]. В 1604 г. брат последнего, Хо-Урлюк, отделился от них и самостоятельно кочевал со своим сыном Кирасаном в верховьях Иртыша.

В это время начинаются переговоры тайшей с русскими властями в Сибири о дозволении им кочевать в степях Тарского уезда [История Калмыкии ... 2009: 260]. От 1607 г. имеются данные также об активных связях сибирских принцев с калмыками: «Кучумовы дети Алеи царевич з братьею ссылаютца послы и сватаютца с колмаками и дары меж себя посылают многие, и тем чают вперед у них меж собою одиначества и свойства ближнева» (цитируется отписка тобольского воеводы) [РГАДА. Ф. 214. Кн. 11. Л. 94]. Возможно, победоносные походы

тюменцев в 1607 г. против Кучумовичей на реку Ишим были вызваны в том числе опасением русских властей перед наметившимся татарско-ойратским союзом.

Впрочем, подошедшие вплотную к российским границам в Сибири торгуть и дербеты были в то время настроены в целом лояльно к русским властям края. Их интересовала возможность кочевать на землях, подведомственных тамошним воеводам, — вдали от враждебных восточных монголов и казахов. Об этом свидетельствует детально описанная в историографии эпопея со взаимными визитами послов и гонцов в Москву и в ставки тайшей в 1606–1608 гг. Однако в дальнейшем, одержав несколько побед над названными противниками, предводители сибирской группировки ойратов значительно охладели к сотрудничеству с русскими, хотя и продолжали кочевать в районах, оговоренных в прежних соглашениях с Москвой, и даже пытались организовать ясачный сбор в свою пользу с местного населения.

Здесь нужно отметить один принципиальный момент. По верному замечанию М. М. Батмаева, период 1600–1630-х гг. «был скорее не временем поселения» калмыков в регионе Иртыша, Ишима и Тобола, а «более всего временем интенсивных передвижений, пережидания неблагоприятных обстоятельств, без ясного и очевидного намерения поселиться в пределах России» [Батмаев 1993: 32–33]. Иными словами, в истории этой части ойратского этнополитического сообщества происходил процесс, иногда называемый историками у кочевых народов «обретением родины». Как известно, калмыки в конце концов «обрели родину» далеко от описываемого региона — в степях между Волгой и Кавказом. По наблюдениям В. И. Колесника, в первой половине XVII в. присутствие ойратов «отмечалось на пространстве от оз. Кукунор до Волги в широтном направлении и от рек Тобола и Оми до Аму-Дарьи в меридиональном, что соответственно составляет более 6 000 и более 2 000 км» [Колесник 2003: 41]. Таким образом, их кочевья огромным «языком» протянулись через весь Восточный Дешт-и-Кипчак, где до того безраздельно господствовали ногаи.

Около 1609 г. царевич Али попал в плен и был увезен «на Русь». Главой Кучумова клана в Сибири стал один из его братьев — Ишим. Он не имел почти никакой

опоры и поддержки, кроме калмыцких тайшей, и жил с семьей и немногочисленной свитой в калмыцких кочевьях или неподалеку от них. Соответственно и действовать он вынужден был с оглядкой на своих покровителей. Очевидцы в 1616 г. передавали, что «Ишим царевич живет ныне в Колмацкой земле и кочует с колмаки. А колмацкие люди его почитают. А людей его с ним только... 15 человек». Совместно с ним кочевали улусы двух тайшей с пятью сотнями воинов [Русско-монгольские ... 1959: 53; Материалы ... 1936: 156, 157]. Подчиненное положение царевича иллюстрируется тем обстоятельством, что переговоры о его выдаче русские власти иногда вели с его калмыцкими патронами [Русско-монгольские ... 1959: 71, 138, 139]. Вместе с калмыцкой конницей Ишим ходил воевать с казаками и туркменами [Русская историческая ... 1875: стб. 456; Русско-монгольские ... 1959: 105, 133]. В 1620 г. калмыцкие послы в Уфе шертовали за своих сюзеренов, тайшей Хо-Урлюка и Чохура, — и заодно за Ишима [Русско-монгольские ... 1959: 102, 103]. На протяжении 1616–1623 гг. его местопребывание фиксируется «у Семи Палат», по берегам рек Ишима и Тобола (в семи «днищах» от Тюмени) [Миллер 2000: 348; Русская историческая ... 1875: стб. 454; Русско-монгольские ... 1959: 123], т. е. в тогдашней области торгутских кочевий.

Иногда между ним и тайшами происходили ссоры (прежде всего из-за нежелания последних участвовать в борьбе за возвращение царевичу его исконных подданных из-под власти «неверных»), и он обиженно откочевывал прочь (см.: [РГАДА. Ф. 214. Стб. 5. Л. 267; Миллер 2000: 350; Русско-монгольские ... 1959: 119; Материалы ... 1936: 158])⁴. В такие моменты он тяготился своим положением фактического приживалы у новых хозяев степей и подумывал о переселении в Россию вслед за несколькими своими братьями. Однажды он откровенно заявил присланному из Уфы толмачу: «А мое... житье видишь ты сам, здесь бы... лег, а при государской бы... милости встал...» [Русско-монгольские ... 1959: 105]. Однако

⁴ В 1623 г. тайши объясняли свой отказ от нападения на Уфимский уезд натиском со стороны враждебных монголов-чахаров. Однако на отношении тайшей к царевичу сказывались и разногласия с ним. В том же году один из них шертовал на том, чтобы «унимать Ишима» от набегов, а если «от того не уймаца», то поймать его и выдать воеводам [Русско-монгольские ... 1959: 125].

проходило время, и мысли выехать в Московское государство оставляли его.

Ишима удерживали «в Колмаках», кроме прочего, и родственные связи. Выше упоминалось, что за него выдал дочь предводитель торгов Хо-Урлюк. Но через несколько лет, во время отсутствия царевича, «та... ево жона покинула да шла без нево замуж» [Русско-монгольские ... 1959: 105]⁵. Тогда Ишим взял в жены сестру владетельных князей из другого ойратского племени — хошутов, Чохура и Байбагаса⁶. Новые родичи служили ему в общем надежной опорой. В лагере Чохура он жил, и тот отказывался удерживать его от набегов, Байбагас же дарил ему пленных, добытых в походах [Русско-монгольские ... 1959: 105, 138, 139; Русская историческая библиотека 1884: стб. 437]. Как докладывал в отписке на государево имя тобольский воевода в 1634–1635 гг., «Кучюмовы внучата поженились в колмаках у болших тайшей на ближнем племени». При этом из калмыцких кочевий шли вести, что «Кучюмовым внучат[ам] колмацкие тайши людьми подмогут. А Кучюмовы де внучата называют Сибирское государство своею землею и [хотят] де однолично сибирские города разорить без остатка» [РГА-ДА. Ф. 214. Стб. 656. Л. 600–601]. Родство и близкие отношения с хошутскими братьями-тайшами были выгодными для сибирских царевичей еще и потому, что Байбагас в то время занимал должность *чулган-дарги* — председателя общеойратского съезда князей.

Еще одним стимулом для Ишима сотрудничать с калмыками была их военная сила, позволявшая как поживиться в набегах, так и напомнить окрестным народам, кто является их исконными, изначальными правителями. Часто такие «напоминания» адресовались башкирам. Ведь по убеждению Ишима, исходя из сказанного им посланцу из Тобольска о сибирских и уфимских волостях, «тех волостей люди его холопи» [Цит.

⁵ Как отмечает М. М. Батмаев, «разводы не были редкостью в калмыцком обществе XVII–XVIII вв. и могли вызываться различными причинами: от бездетности или длительной болезни одного из супругов до тривиального «не сошлись характерами». Инициатива ... чаще всего исходила от мужей и реже от жен. Некоторые супруги расставались со своей половиной без всяких видимых причин и объяснений» [Батмаев 1993: 58].

⁶ Истинная племенная принадлежность этих тайшей недавно установлена Д. Мияваки [История Калмыкии ... 2009: 286]. Ранее они считались сыновьями могущественного правителя чоросов Хара-Хулы.

по: Устюгов 1947: 46]. Особенно это касалось башкир родоплеменного объединения табын, которые некогда имели тесные отношения с Кучумом. От имени Ишима один из тайшей требовал себе ясак с башкир-сынрянцев Катайской волости, а иначе «вас... Ишим царевичь учнет воевати, а ныне... Ишим пошел в Уфинские волости старых своих людей табынцов сыскивати» [Русская историческая ... 1875: стб. 446–447]. Правда, царевич в объяснениях с русской стороны пробовал приписать набеги и требования ясака с башкир самовольству калмыков и своей зависимостью от них («Приходят на башкирские волости воевать колмацкие люди моим именем, и яз... с ними приходил на башкирские волости одно да и то неволею» [Русско-монгольские ... 1959: 105]). Но вся история отношений Кучумовичей с башкирами свидетельствует о неискренности этих отговорок. Нашупывая слабые места в обороне пограничных уездов, сибирские царевичи предпринимали попытки объяснить местное население.

Жертвой нападений стала и угасающая Ногайская Орда. В 1622 г. калмыцкая рать числом восемьсот всадников под командованием Ишима и хошутского тайши Дюргэчи-Кундулена-Убаши («Тленчя»), брата Байбагаса, ворвалась в район бывшей ногайской столицы Сарайчука, которая уже сорок лет лежала в развалинах, и «погромила» тамошних оседлых жителей (так называемых *тумаков*) [История Казахстана ... 2005: 283]. Впрочем, к тому времени ногайского населения в тех местах почти не осталось.

Память об утраченном юрте взывала сибирцев к отвоеванию прежде всего собственно сибирских местностей. В отношении их Ишим также предъявлял притязания на вполне понятных основаниях («а татар... называл отца своего и своими природными холопи и говорил, как бы ему мочно своей вотчины доступити» [Материалы ... 1936: 89]). Здесь еще нужно учитывать соображения мести Кучумовичей русским: «сибирские де казаки отца его Кучюма извели, братью его, Алия и Азия, тюменские служилые люди разорили, ему де, Ишиму, приходити за то на государевы города войною» [Русская историческая ... 1875: стб. 456]. Но при этом участие в степных военных кампаниях ойратов сулило царевичам большие гарантии успеха и большие трофеи, чем в рискованных столкновениях

с русскими крепостными гарнизонами. Показательно, что свои только что процитированные реваншистские замыслы Ишим сформулировал в разговоре с воинами тайши Далай-Батыра во время совместного похода на туркмен в 1624 г.

В военных экспедициях 1610–1620-х гг. калмыки составляли основную ударную силу царевича (изредка упоминаются также ногаи). В ответ из Тобольска и Тары снаряжались успешные военные экспедиции (об этих конфликтах см.: [РГАДА. Ф. 214. Кн. 11. Л. 165, 167 об., 168, 193; стб. 5. Л. 267; Миллер 2000: 43, 300; Русско-монгольские ... 1959: 76, 77; Дополнения ... 1882: стб. 427]). Служилые настигали нападавших, сурово расправлялись с ними, порой врываются в калмыцкие стойбища и угоняли людей и скот (лошадей и верблюдов).

Заметим, что сами предводители калмыков в то время не проявляли особенной агрессивности по отношению к российским подданным. Тогдашний глава сибирской группировки ойратов дербетский Далай-Батыр-тайша обменивался с русскими дружественными посольствами, договаривался о беспрепятственной торговле с Москвией, видя главную опасность в традиционных неприятелях ойратов — в казахах и восточных монголах (государстве Алтын-хана). Кроме того, среди тайшей то и дело вспыхивали междоусобные раздоры, отвлекавшие их энергию от внешнеполитических предприятий.

Но нужно учитывать, что миролюбие по отношению к русским не было присуще многим «младшим» тайшам, которые, случалось, предпринимали набеги на «сибирскую украину» без ведома вышестоящих предводителей. К тому же в 1620 г. в степи между Иртышом, Ишимом и Яиком, к рубежам Уфимского и Тарского уездов, прикочевала с юго-востока очередная многолюдная группировка ойратов-хошутов во главе с Байбагасом и Чохуром, с которыми, как говорилось выше, вскоре породнился царевич Ишим. Причины этой миграции оставались прежние: разногласия среди ойратских аристократов и поражения от врагов (на сей раз от казахского хана).

При всех сложностях во взаимоотношениях русские власти не оставляли стараний склонить Ишима к примирению и покорности, о чем к воеводам регулярно шли призывы из Москвы. В 1616 г. царевич, каза-

лось, уже был готов подчиниться царю, но затем из-за давления калмыков передумал. В 1620 г. его посол вместе с эмиссарами торгутского Хо-Урлюка и хошутского Чохура давал в Уфе торжественное обещание (шертовал) не нападать на башкир и перейти «под государеву руку». Зная переменчивость Ишима, воевода отпустил восвояси калмыков, но задержал его посла, направив московскому начальству запрос о дальнейших действиях. Этот посол был фактически заложником в течении трех лет. Внятных рекомендаций из столицы почему-то не поступало (об этой ситуации см.: [Материалы ... 1936: 158, 159; Миллер 2000: 350; Русско-монгольские ... 1959: 119, 120]). Ишим подумывал о нападении на уфимские места в отместку за эту проволочку и злился на своих новых ойратских родичей за их безучастное отношение к унижительному положению, в котором он оказался.

Судя по всему, в таком нервном и неопределенном состоянии царевич закончил свои дни. В августе 1624 г. в Тобольск поступило известие от служилых, будто «Ишим царевич умер в прошлом в 132-м году [1623–1624]». То же подтвердили затем калмыцкие послы. Вдова Ишима с тремя сыновьями: Аблаем (Аблагиримом, Аблагиреем, т. е. Абулай-Гиреем), Тауке (Тявкой, т. е. Таваккулом) и Исламом — осталась жить в улусе своего брата, хошутского тайши Чохура [РГАДА. Ф. 214. Кн. 6. Л. 94 об., 95 об., 96]. Эти трое Кучумовичей в младенчестве находились при матери-ойратке, а теперь и обосновались в ойратских кочевьях.

С конца 1620-х гг. они включились в активную политику. Самым заметным был Аблай, который, вероятно являлся (или считался) старшим в поколении Кучумовых внуков в то время. Он женился и после этого по степным обычаям отделился от родительского стойбища — «учал кочевать о себе», взяв на содержание подростка Ислама [РГАДА. Ф. 214. Стб. 656. Л. 503, 504]. Его ставка обычно располагалась в трех неделях пути от Тюмени, «за рекою за Ишимом... на озере на Енкылы» [РГАДА. Ф. 214. Стб. 525. Л. 16]. «Казачествующие» в степях удалцы из ближних и дальних краев тянулись к смелому принцу-воину, который самоотверженно боролся с завоевателями его родины, не боялся крови, добывал в походах трофеи и полон, да еще и пользовался покровительством могущественных гегемонов той части Центральной Азии — ойратов.

Это покровительство часто выражалось в предоставлении тайшами своих воинов царевичам для набегов на сибирские волости. В документах отмечена численность Аблаева воинства в 1634 г. в пятьсот человек, и столько же находилось под его началом калмыков [РГАДА. Ф. 214. Стб. 656. Л. 90, 517]. Впрочем, очевидцы порой отмечали гораздо меньшую численность жителей его улуса: «а с ними [семьей Аблая] немногие люди, бойцов толко человек здесять» [РГАДА. Ф. 214. Стб. 656. Л. 500]⁷. Но здесь могли сказываться как превратности «казачьей» жизни (зависимость от успехов и поражений), так и особенности кочевнического образа жизни, когда для собственного прокормления и выпаса скота семьям-хозяйствам было целесообразно держаться порознь.

Кроме того, в Барабинской степи, в трех острожках на озере Икуль и речке Карагат, проживали 50 семей местных татар, признававших верховенство Аблая и тайшей [РГАДА. Ф. 214. Стб. 31. Л. 608]⁸. Часто вместе с Аблаем действовал его двоюродный брат Девлет-Гирей. Военные и дипломатические предприятия этих царевичей неразрывно были связаны с ойратским племенным сообществом в целом, а не только с сибирскими калмыками, т. к. иногда в набегах принимали участие джунгары (чоросы, или «черные калмыки» в русской терминологии того времени). Как и при царевиче Ишиме, ойратская конница составляла костяк отрядов, нападавших на российское пограничье в Юго-Западной Сибири. Патронами Аблая были тайши Хо-Урлюк торгутский и Байбагас хошутский, некогда тесно связанные с его отцом Ишимом.

Поколение Кучумовых внуков, оставшихся в Сибири, представляло собой своего рода этнокультурный сплав. Будучи по происхождению татарами, они воспитывались и вырастали в калмыцких кочевых ставках, впитывая от матерей и воспитателей⁹ нормы жизненного уклада

⁷ Впрочем, цитируемый рассказ беглых полоняников описывает стойбище без хозяина, который отсутствовал: скорее всего, ушел в поход с основной массой подданных.

⁸ В 1630 г. эти острожки были разорены казачьим отрядом, посланным томским воеводой.

⁹ По широко распространенному среди многих народов обычаю, отпрыски знатных семей у калмыков поручались после рождения заботам мамок-кормилиц и дядек-воспитателей, причем переходили жить в кибитки последних. Как правило, такие воспитатели находились в ранге *зайсангов* – управляющих

ойратов. Как известно, принадлежность к династическому дому чингисидов возносила царевичей над всеми тюркскими и монгольскими племенами. Поэтому они не испытывали никакой рефлексии по поводу отсутствия формальной родовой солидарности ни с тюркскими кланами, ни с племенными подразделениями ойратов. Однако исторические обстоятельства складывались таким образом, что потомки Кучума во втором колене на деле оказывались уже полутатарами-полукалмыками. Впрочем, это не мешало им помнить о своем царственном происхождении и в дальнейшем время от времени служить знаменем борьбы за освобождение местных народов от российской власти.

Характерно, что в роде Кучума немногие царевичи носили арабские (мусульманские) имена. Большинство было наречено именами тюркскими, т. е. условно говоря, «языческими» — неисламскими. Сохранение верности религии, принятой предками, едва ли служило препятствием для сближения «казаков» с окружавшими их калмыками. Приверженность исламу подпитывала в них тюрко-татарскую идентичность (а заодно и солидарность с единоверцами, оказавшимися во власти «неверных»). И все же иная культурная среда не могла не накладывать отпечаток на их личность и поведение. Так, в 1632 г. при походе к реке Исети (притоку Тобола) Аблай обещал местным татарам не убивать их, ограничившись сбором одежды и саадаков, и при этом «им по калматцкой вере шертовал: стрелу лизал и на темя железцом ставил» [Миллер 2000: 463]¹⁰. Здесь вкратце описан обряд традиционной монгольской присяги-*шахан*, который впоследствии претерпел у калмыков изменения под влиянием буддизма.

В ноябре 1629 г. Аблай с войском татар, барабинцев и джунгар три дня осаждал Чатский городок (с русским гарнизоном из 20 чел.), пока его не отогнали томские служилые [Миллер 2000: 116, 117, 419–421; РГАДА. Ф. 214. Стб. 31. Л. 322, 323; стб. 84. Л. 189, 190, 192]. Аблай напал на ясачные волости, угонял пленных и лошадей и в последующие годы. Эти раз-

¹⁰ «Калматцкую веру» здесь иллюстрирует древний обряд, не связанный с буддизмом. Хотя буддизм стал широко распространяться среди ойратов уже с середины 1610-х гг.

рения зафиксированы довольно подробно, т. к. служили для местного населения предлогом, чтобы просить у властей льгот по налогообложению из-за убытков, нанесенных царевичем (см., напр.: [РГАДА. Ф. 214. Стб. 656. Л. 370, 371]). Крупнейшей военной акцией можно считать осаду калмыками Тары в 1634 г., в которой участвовал и Аблай [Миллер 2000: 11]. Вскоре после этого, в июне 1635 г., он вместе с братом Тауке двинулся на Уфу. Навстречу им выступили служилые люди городского гарнизона. На расстоянии около 15 верст от крепости произошел жестокий бой, где обе стороны понесли большие потери. Царевичи в течение десяти дней оборонялись в близлежащем лесу (который с тех пор стал называться Аблаевым), но были взяты в плен и доставлены в Уфу вместе с 54 пленными калмыками [Рычков 1999: 52].

Могущественный хошутский тайша, чулган-дарга Туру Байху Гуши (Куйша русских текстов) требовал освободить Кучумовых внуков, обещая в противном случае разорить сибирские уезды. Ведь он состоял с ними в родстве: их мать, жена покойного Ишима, была, как показывали на допросе в Тобольске пленные татары, «Куише тайше родная племянница» [РГАДА. Ф. 214. Стб. 656. Л. 506]¹¹. Но эти угрозы не возымели действия. Царевичей увезли «на Русь» и в 1641 г. сослали в северные города (Аблая — в Белоозеро, Тауке — в Каргополь).

Еще в 1627 г. ясачные барабинцы, разозленные обидами от воеводы Ю. И. Шаховского, намеревались сжечь город Тару. В 1628 г. возмущение тарских и томских татар (аялынцеv, барабинцев, чатов) стало принимать уже открытые формы. В историографии это их движение принято называть восстанием. Его причинам и ходу, а также участию в нем Кучумовичей посвящена статья К. В. Волковой [Волкова 1965: 112–127] (см. также: [Уманский 1973: 112–119]). Оно началось без участия Кучумовичей. Тарские ясачные татары, обозленные требованиями непосильного ясака, «юрты свои пожгли и откочевали с своих вотчин прочь» [РГАДА. Ф. 214. Стб. 3. Л. 354]. Предводители та-

тар, барабинский «князец» Когутай, Кочаш Танатаров и Наврус Евгаштин, вступили в переговоры с Аблаем, Девлет-Гиреем и Тауке. В начале 1629 г. 400 тарских татар собрались на берегу озера Чаны, куда пригласили и Аблая. Было заключено соглашение о совместных действиях, а Аблай, как утверждает К. В. Волкова, принял ханский титул [Волкова 1965: 121] (упоминаний об этом мне в источниках не встретилось). При этом мятежники сознавали, что реальной силой обладают вовсе не Кучумовы «внучата», а калмыцкие тайши. Поэтому в анонимной «Повести о городах Таре и Тюмени», написанной примерно в конце 1630-х гг., говорится, будто К. Танатаров переселился «в землю Колмацкую» и уговорил напасть на Тару одного из тайшей [Сперанский 1932: 27]. Но «внучата» своим присутствием в рядах восставших придавали династическую легитимность движению.

К лету 1629 г. Аблай уехал в свои кочевья, чем воспользовались тобольские и тарские наместники. Внезапным ударом, не дав мятежникам оповестить нового «хана», стрельцы разгромили их становище у Чан. В ответ Аблай решил напасть на Томск. В преддверии нашествия чатские мирзы начали грабить волости Томского уезда. Но позднее планы кампании изменились. Аблай вступил в альянс с влиятельным чатским мирзой Тарлавом, посетив его в августе в Чатском городке во главе отряда из 130 татар и калмыков. К нему сходились единомышленники, и вскоре под его началом собралось около 1 тыс. чел. [РГАДА. Ф. 214. Стб. 3. Л. 494; Русская историческая... 1884: стб. 672]. Теперь чаты и Аблай намеревались совместными силами захватить Тару. Не дожидаясь, пока противник соберется с силами, зимой 1629–1630 гг. томские стрельцы, казаки и служилые татары взяли три острожка отложившихся татар-тарцев. Те раскололись: одни примкнули к калмыкам, другие (включая Танатарова) ушли к Аблаю, третьи решили прекратить борьбу и выехали «на государство имя». Татарин-информатор докладывал, что тарские татары, барабинцы, чаты и калмыки «от Ишимова сына отъезжают для кормов на старые свои места» [РГАДА. Ф. 214. Стб. 3. Л. 494], так что дополнительной причиной угасания мятежа была невозможность для тысячи воинов прокормиться, находясь постоянно в совместном кочевании.

¹¹ Кажется, информаторы ошиблись в определении степени родства: Туру Байху Гуши был младшим братом Байбагаса и Чокура, на сестре которых Ишим женился (см. выше). Хотя в данном случае племянничество могло означать вообще нахождение в близком родстве («в ближнем племяни», как говорили в XVII в.).

Союз с главой бунтарей-чатов Тарлавом не принес царевичам никаких успехов. В 1630 г. в результате нескольких походов из Томска силы «изменника Тарлавки» были рассеяны, сам он погиб, а Аблай удалился на безопасное расстояние от русских (подробно см.: [РГАДА. Ф. 214. Стб. 31. Л. 322, 323, 595; Уманский 1973: 121–129; Бояршинова 1950: 112]). На этом восстание в целом прекратилось.

В те же годы против русской власти в Сибири активно выступил тесть Тарлава, телеутский князь Абак. Причина антироссийского настроения Абака и других вождей телеутов заключалась в ясачном обложении воеводами шорцев и прочих племен Северного Алтая, которых телеутские предводители считали своими исконными данниками (*кыштымами*). Телеуты («белые калмыки») получили от Аблая предложение присоединиться к союзу калмыков и татар в июне 1629 г. Это было мощное пополнение (550 всадников). Правда, жителей алтайских предгорий мало интересовали походы к далеким Таре и Тюмени, главным объектом их нападений суждено было стать Томску и Кузнецку. Кроме того, Абак рассчитывал распространить свое влияние на Барабу. Однако силы Кучумовичей были слишком малы, чтобы помочь ему воплотить в жизнь эти планы, да Аблай и не собирался делиться с телеутами доходами с барабинцев, с которых он собирал ясак в пользу свою и тайшей. Не желал он и направлять своих подданных против Томска — главного объекта воинственных замыслов Абака.

А. П. Уманский считал последнего «опытным дирижером» всего повстанческого движения на юге Сибири рубежа 1620–1630-х гг. Сходной точки зрения придерживался одно время Л. П. Потапов, видя в Кучумовичах «вдохновителей и организаторов восстаний» [Потапов 1953: 171]. Но впоследствии подход этого исследователя изменился: сибирские царевичи («разбежавшиеся князья из ханского дома Кучума») являлись, по его мнению, марионетками в руках «некоторых ойратских феодалов», стремившихся захватить пастбища в регионе [Потапов 1969: 97]. Хотя принимать Кучумовичей за абсолютных марионеток при тайшах кажется преувеличением их зависимости, в целом я солидарен с позднейшей интерпретацией Л. П. Потапова. Известные мне источники (как, кстати, и данные, приводимые А. П. Уманским) обнаруживают ничтож-

ность собственных сибирско-татарских сил под началом царевичей. Они были окружены воинами-ойратами и отрядами местных племен с собственными предводителями, каждый из которых был волен привести и увести своих сородичей, участвовать в очередном походе или переждать. В политике постоянного лавирования чатских, барабинских и телеутских лидеров между русскими и ойратами представители «ханского дома Кучума» занимали далеко не первое место.

Вся картина мятежей, пожалуй, не позволяет считать их какой-то цельной кампанией, руководимой из единого центра. Все-таки главной военно-политической силой в регионе являлись в то время ойраты (калмыки и джунгары). Без опоры на них невозможно было рассчитывать на успех в борьбе с русскими гарнизонами новых сибирских крепостей. Абак же, судя по источникам, практически не имел активных контактов со своими ойратскими соседями. К тому же ойратам в то время было не до татарско-телеутских воинственных планов: чоросы во главе с Хара-Хулой вели тяжелые бои с казахами и монгольским Алтын-ханом, дербеты Далай-Батыра вступили в конфликт с торгутами Хо-Урлюка. В конце концов царевичи и Абак разочаровались друг в друге, и весной 1631 г. их союз распался (см. подробно: [Уманский 1973: 106–111; 1980: 46, 47]).

Девлет-Гирей часто жил вместе с братом Аблаем или с кем-то из тайшей в верховьях Ишима или в озерном краю между Тоболом и Миассом. Из высокородных калмыков наиболее близки ему были дербетский Далай-Батыр и его вассалы. Но иногда царевич кочевал и самостоятельно. Состав «подданных» обоих царевичей был неоднородным. В их кочевьях обретались представители разных тюркских народов и калмыки: у Девлет-Гирея — «тарские юртовские татарове... да колмацкие люди и трухменцы и Казачьи Орды люди, а всех... их человек с полтора ста»; у Аблая видели «колмаков и трухменцов и Казачьи Орды и тем, что иманы в Уфинском и Тюменском уезде [башкир и татар], человек с шездесят или с семьдесят» [РГАДА. Ф. 214. Стб. 656. Л. 511–512] (в другом документе — «человек с пятьдесят или с шездесят» [РГАДА. Ф. 214. Стб. 656. Л. 505]).

Вместе с разноплеменным «казачьим» сообществом соратников они старались держаться подальше от объектов своих регулярных нападений: ясачных волостей

Южного Урала и Юго-Западной Сибири. Заслоном от ответных походов служилых являлись для них калмыцкие кочевья. В воеводских отписках отмечается, что, совершив набег «ис колмацких улусов», царевичи спешно удаляются «через Тобол... и через Ишим реки в степь за колмацкие ж улусы» [РГАДА. Ф. 214. Стб. 37. Л. 268]. В ответ на упреки русских в пособничестве тайши оправдывались, что «Кучумовы внучата... кочуют собою, своим улусом» [РГАДА. Ф. 214. Стб. 37. Л. 269], т. е. якобы независимо от своих калмыцких покровителей и союзников. На самом же деле время от времени, особенно после очередного набега на российские провинции, братья присоединялись к ойратским кочевым общинам, «боясь воины от русских людей» [РГАДА. Ф. 214. Стб. 656. Л. 506], пытаясь спрятаться за спинами калмыков.

Нападения «внучат» на ясачных плательщиков, угон и сманивание ими жителей пограничных местностей не могли не вызывать напряженности в русско-калмыцких отношениях. Власти понимали реальный расклад сил и старались утихомирить воинственный пыл царевичей, воздействуя на них через тайшей. Калмыцким предводителям в налаживании контактов с пограничными воеводами тоже мешало набеговое буйство Кучумовичей. Неоднократно последним объявлялся строгий запрет на грабительские рейды. Весной 1634 г. царевичи Аблай и Девлет-Гирей перезвали к себе некоторое число тарских ясачных татар. Тайши Турген и Батур вызвали их на съезд ойратской знати, где царевичам было объявлено, что своими бесчинствами они вносят раскол между московским государем и могущественным Далай-Батыром. Им приказали вернуть весь полон и распустить по домам «людей четырех городов — тоболских и тюменских и тарских и уфинских», которые обретаются в их кочевьях. В противном случае освобождением пленных и беглых займется сам Далай-Батыр [РГАДА. Ф. 214. Стб. 656. Л. 498]. Впрочем, миролюбие и готовность к переговорам в политике тайшей часто чередовались с их воинственностью и агрессивностью. Те годы отмечены нападениями на пограничные уезды, в том числе и калмыков, к которым с готовностью присоединялись Кучумовичи.

Патронат над беспокойными «казаками» приносил тайшам пользу в виде не только военного подкрепления (весьма незначи-

тельного) во время конфликтов с казаками и русскими, но и некоторого материального пополнения. Ведь смысл сманивания российских ясачных в степные стойбища состоял в увеличении плательщиков ясака в пользу как царевичей, так и тайшей. Известны случаи доставления ясака Девлет-Гиреем к его калмыцким покровителям (см., напр.: [Русско-монгольские ... 1974, с. 177]). Последние справедливо расценивались им и его родичами как наиболее могущественная сила в Дешт-и-Кипчаке. Громя раздробленных и отступающих ногаев, калмыки все более уверенно занимали степи между Иртышом и Волгой, одновременно не оставляя попыток захватить пастбища в Юго-Западной Сибири и на Южном Урале.

Русские власти с переменным успехом старались остановить ойратскую экспансию в направлении российских владений и защитить государевых подданных-«иноземцев» — прежде всего башкир. На степном пограничье увеличивали численность и оснащенность крепостных гарнизонов, на службу туда направляли стрельцов и служилых из западных районов Московского царства. Это было необходимо в условиях, когда тайши претендовали на часть башкирских земель. Их притязания и набеги, равно как и усиление российского военного присутствия в регионе, предотвратили массовый переход башкирских родов на сторону ойратов. Надежный тыл в лице русских войск, гарантия охраны ими вотчинных прав, дарованных московскими царями, послужили причиной верности большинства башкир российскому подданству.

Как говорилось выше, в 1635 г. Аблай и Тауке попали в плен к уфимцам. Девлет-Гирей был полон решимости любой ценой вернуть братьев. Он то нападал на южноуральские волости (особенно активно в первой половине 1640-х гг.), то вступал с воеводами в переговоры. Воинство его состояло в основном из «государевых изменников», тюменских и тарских татар, выехавших из-под власти воевод. С калмыками он по-прежнему находился в союзе, но иногда держался особняком от них (хотя какое-то количество калмыков проживало в его улусе — в источниках упоминаются «царевичевы калмыцкие люди»). В 1635 г. джунгарский правитель Батур-хунтайджи писал в Москву, что «царевич кочует от меня далече на своей земле» [Миллер 2005: 23]. Эта «своя зем-

ля» в 1640–1650-х гг. обычно находилась в степях по берегам Ишима и Тургая. Под началом царевича постоянно находилось около двухсот человек [Миллер 2005: 31, 357, 361]¹².

Хотя представители Девлет-Гирея и прибывали в русские города в составе калмыцких посольств, но требовали для себя отдельного от них постоя, а при переговорах всячески обличали тайшей, обвиняя их в неискреннем миролюбии, клевете на царевича, который на самом-то деле только и стремится-де «царьскому величеству служить и прямити» [Русско-монгольские ... 1974: 325]. Впрочем, никакой разрыв с калмыками был для Девлет-Гирея невозможен, и в источниках появляются упоминания о его близком соседстве или иногда все-таки совместном кочевании то с одним, то с другим тайшой.

Вероятно, в определенные моменты он действительно склонялся к мысли смириться с верховенством «неверных» и даже перейти в российское подданство. Но разнообразные обстоятельства всякий раз препятствовали этому. Так, в 1648 г. один из ойратских аристократов предложил царевичу присоединиться к набегу на русские города. Тот отказался, сославшись на перспективу замирения с московским государем. В ответ тайша пригрозил забрать его в поход силой [Русско-монгольские ... 1974: 328]. Другой тайша, Даян-Омбо, держал Девлет-Гирея при себе «за холопа место» [Васьков 1999: 17]¹³, так что особенного почтения к нему калмыцкие предводители не испытывали. Несмотря на царственное происхождение Кучумовичей, тайши все менее считались с ними и с их интересами.

Между царевичами и тайшами порой возникали разногласия по поводу целесообразности набегов. То одна, то другая сторона пыталась наладить контакты с русскими властями и потому старалась помешать партнерам испортить эти отношения. Выше приводился факт несогласия Девлет-Гирея с агрессивными действиями калмыков. А в 1653 г. уже калмыцкая аристократка, вдова

хошутского Туру Байху Гуши, с которым царевич состоял в родстве, обещала через своего посла в Тобольске для умирения воинственного Кучумовича «поймать и держать ево у себя в крепких местех» [Русско-монгольские ... 1974: 394]. Правда, внезапная смерть помешала ей исполнить задуманное.

От набегов Девлет-Гирея в основном страдали Тюменский и Уфимский уезды. По заведенному ранее порядку, походы совершались в период, когда можно было поживиться не только награбленным имуществом, но и урожаем с полей, а также собранным ясаком. Поэтому Кучумовичи (Девлет-Гирей с братом Абугаем и племянником Кучуком) седлали коней «в то время как русские люди учнут сена косить и жать хлеб», «на сноп и по заморозу, и в ясашное время, как государев ясак збирают». От таких нападений страдали и промысловые угодья сибиряков [Миллер 2005: 314, 327, 381]. Как правило, рейды происходили вместе с калмыцкими отрядами и часто по инициативе тайшей. Хотя иногда и сами царевичи загорались идеей отправиться в набег и звали калмыцких предводителей присоединиться. Такие объединенные силы, случалось, насчитывали до трех тысяч человек [Миллер 2005: 417], но обычно отряды состояли из нескольких десятков или сотен воинов.

Ответные удары из Тары, Тюмени и Уфы заставляли Кучумовичей держаться ближе к тайшам. В документах рубежа 1650–1660-х гг. снова отмечается их совместное или соседское кочевание, чаще всего по Иртышу, вместе с сыном торгутского Хо-Урлюка, Лоузаном, и хошутским Кундуленом. Причем тайши заботились о безопасности сибирских династов. В 1660 г. посланники хошутского тайши Аблая «забрали» всех царевичей из становищ Лоузана и перевезли далеко на юг, во владения Аблая, чтобы сделать их недосягаемыми для возмездия русских за набеги [Миллер 2005: 432]. В целом бесспорное численное, да и военное превосходство калмыков заставляло Кучумовых «внучат» держаться в русле их политики, в том числе зачастую и по отношению к России. Они были вынуждены освободить часть полоняников, когда этого требовали (не от них, а от торгутских тайшей!) грозные правители Джунгарии, заинтересованные в мирном сосуществовании в регионе с Московским государством, а

¹² Очевидно, это число только боеспособных мужчин, т. к. такая же цифра названа информаторами при оценках численности отряда Девлет-Гирея, собравшегося в набег на сибирские города [Миллер 2005: 30, 347].

¹³ При этом Девлет-Гирей и Даян-Омбо вместе мобилизовали «калмыцких многих людей» для нападения на сибирские города и слободы [Миллер 2005: 370].

также в том, чтобы не отпугивать барабинских двоеданцев, которые платили подати джунгарам [Миллер 2005: 38, 430, 432]¹⁴. Нужно отметить, что верховный правитель ойратов, джунгарский Батур-хунтайджи за все время своего правления в Джунгарском ханстве (1635–1653 гг.) ни разу не выступил враждебно против России и отклонял предложения тайшей и Кучумовичей о совместных действиях против русских.

Современники, окрестные наблюдатели порой уже воспринимали Кучумовичей как часть калмыцкой этнополитической общности. Так, отъезд башкирских и татарских семей из улусов Аbugая в 1661–1662 гг. трактовался тобольскими воеводами как откочевка «ис Калмык от Бугая царевича» [Материалы ... 1936: 92, 93]. Дополнительный стимул для «симбиоза» калмыцкой знати и Кучумовичей заключался в сравнительно регулярном добывании последними трофеев в набегах. Добычей царевичи делились со своими покровителями («царевичи сподобляют Урлюковых людей конми и запасы» [Материалы ... 1936: 416]), чем помогали им пережить нередкие ситуации голода и оскудения.

Во время башкирского восстания 1662–1664 гг. повстанцы существенно пополнили рать царевича Кучума. Но его основной военной опорой по-прежнему оставались калмыки, особенно после неудач в сражениях с русскими войсками. У тайшей он «просил людей идти войною на государевы города и слободы» [Дмитриев 1900: 80]; одного из главных ойратских аристократов, торгутского Дайчина (сына Хо-Урлюка), он в своем ярлыке называл отцом (*атам*), в пользу которого башкирам надлежало выделять провиант [Материалы ... 1936: 180]. Русские власти понимали степень влияния тайшей на Кучука и именно к ним обращались с просьбами «унять» его от беспрестанных набегов. Тайши же вновь то заявляли, что не имеют с ним общих дел и отказывались разделить ответственность за эти нападения (Кучук «не нашево... улусу. А я... никакой силы ему не прибавлю. Он, Кучюк, от нас збежал и тепере от нас далеко живет»), то посылали к царевичу приказы «с угрозою» прекратить воевать и освободить полоняников [Русско-монголь-

ские ... 1996: 213, 394] (и иногда это действовало на него!).

К концу 1660-х гг. провал всех мечтаний о реставрации Сибирского юрта и тщетные попытки противостояния со все усиливающимися русскими в Сибири и на Южном Урале привели к тому, что у царевичей опустились руки. Единственную и вынужденную опору они видели в ойратских политических объединениях. Но внимание и интересы традиционных партнеров Кучумовичей — торгутских и части хошутских тайшей¹⁵ — все более обращались в западном направлении. Громя остатки Ногайской Орды, их отряды уходили в глубокие разведывательные рейды за Эмбу и Яик (есть данные об участии в таких походах и Кучумовичей [Богоявленский 1939: 61]). В течение 1630–1650-х гг. основная масса калмыков постепенно переместилась из сибирских пределов и с территории современного Казахстана на Волгу. Там образовалось вассальное Калмыцкое ханство, подчиненное Московскому государству. Откочевал на юго-запад и давний, надежный партнер Кучумовичей Хо-Урлюк с сыновьями. Уход калмыков, кстати, наглядно отразился на сужении ассортимента их товаров на сибирских рынках: с 20 наименований в 1639–1640 гг. до 4 наименований в 1670–1671 гг. [Вилков 1967: 173].

И хотя давние связи прервались не сразу (в 1678 г. некий «салтан Кучюма хана внук» разбил лагерь в верховьях Ишима вместе со своим тестем — калмыцким тайшой [Дополнения ... 1862: 35]), царевичам «казакам» оставались связи с той ветвью ойратов, которая оказалась теперь ближайшей к ним, — с джунгарами (чоросами). Так, по неизвестным обстоятельствам царевич Дюдюбак б. Аbugай оказался в джунгарском плену. Осенью 1678 г. тобольский воевода П. В. Меньшой Шереметев сообщил своему верхотурскому коллеге И. Ф. Пушкину со слов местных татар (которые передавали, в свою очередь, вести от калмыков и бухарцев), будто правитель Джунгарии, хунтайджи Галдан-Бошокту-хан, отпустил Кучумовича из плена в кочевья тайши Малая. Но это не было простым дарованием свободы: Дюдюбаку надлежало «быть надо

¹⁴ Впрочем, старались отпускать домой только ту часть «ясыря», что являлась обузой, — стариков и малолетних, «которые государю в яsak старые не годятся, а молодые в яsak не поспели».

¹⁵ Большинство хошуты во главе с Гуши-ханом (упоминавшимся выше Туру Байху Гуши) еще в 1630-х гг. откочевало район озера Кукунор (северо-восточнее Тибета) и образовало там самостоятельное ханство.

всеми дурбечки тайшами владетелем, и во всем им, тайшам, царевичу быть послушным...». Своеобразная инвеститура сопровождалась указанием на место жительства освобожденного: «И кочевать ему на старинных ево кочевьях по Ишиму реке, где кочевали дед и отец ево». Кроме того, хунтайджи якобы приказал облеченному полномочиями Дюдюбаку (и, очевидно, отныне подчиненным ему ойратам-дербетам) начать военные действия против башкир [Русско-монгольские ... 1996: 321].

Эти новости стали известны в Москве. Первому же прибывшему туда джунгарскому посольству на приеме в Посольском приказе был задан вопрос, правда ли, что Дюдюбак выпущен на волю Галдан-Бошоктуханом и поставлен главой над дербетами с кочевьями по Ишиму. Посланец хунтайджи отвечал, что, насколько ему известно, действительно, «Бугая де царевича сын Дюдюбака у Галдана-тайши в полону есть». Хотя и могли произойти изменения за те тринадцать месяцев, что посольство провело в пути, но «однако ж он [посол] того не чаёт, чтоб того Дюдюку Галдан, из неволи слободя, владельцем учинил» [Русско-монгольские ... 1996: 324]. Мне это тоже представляется маловероятным. Да и поставленная перед царевичем задача нападать на башкир, российских подданных, в тех обстоятельствах сомнительна, т. к. Галдан-Бошокту избегал любых осложнений в отношениях с Московским государством. В межойратских политических распрях и интригах фигура «природного» династа-чингисида могла бы иметь привлекательность для хунтайджи, который не желал терять своего влияния на отколовшихся и растекшихся по огромным пространствам группировкам ойратов. Однако ни о каких последствиях интриги с Дюдюбакой не известно. Кучумовичи с тех пор исчезают со страниц документов. Они не заметны ни в сибирских и уральских степях, ни в ставках калмыцких тайшей.

Список источников

Российский государственный архив древних актов (РГАДА).

Литература

- Батмаев М. М. Калмыки в XVII–XVIII веках. События, люди, быт. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1993. 382 с.
- Богоявленский С. К. Материалы по истории калмыцкого народа в первой половине XVII века // Исторические записки. Т. 5. М., 1939. С. 48–101.
- Бояришинова З. Я. Население Томского уезда в первой половине XVII века // Труды Томского государ-

- ственного университета им. В. В. Куйбышева. Т. 112. Серия историко-филологическая. Томск: Изд-во ТГУ, 1950. С. 23–210.
- Васьков Д. А. Сибирский царь Девлет-Гирей // Этнокультурная история Урала XVI–XX вв.: Мат-лы междунар. науч. конф. Екатеринбург, 1999. С. 17–19.
- Вилков О. Н. Ремесло и торговля Западной Сибири в XVII веке. М., 1967. 323 с.
- Волкова К. В. Восстание татар Тарского уезда 1628–1631 гг. // Сибирь периода феодализма. Вып. 2. Новосибирск: Наука, Сибир. отд-ние, 1965. С. 111–127.
- Дмитриев А. Пермская старина: Сб. ист. ст. и материалов, преимущественно о Пермском крае. Вып. VIII. Пермь, 1900. 172 с.
- Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. 8. СПб., 1862. 350 с.
- Дополнения к Дворцовым разрядам. Ч. 1. М., 1882. 476 с.
- Златкин И. Я. История Джунгарского ханства. 1635–1758. М.: Наука, 1983. 332 с.
- История Казахстана в русских источниках. Том I. Посольские материалы Русского государства (XV–XVII вв.). Алматы, 2005. 721 с.
- История Калмыкии с древнейших времен до наших дней. Т. I. Элиста: ГУ Издательский дом «Герел», 2009. 848 с.
- Катанаев Г. Е. Киргизские степи, Средняя Азия и Северный Китай в XVII и XVIII столетиях // Записки Западно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества. Кн. 14. Вып. 1. Омск, 1893. С. 1–72.
- Колесник В. И. Последнее великое кочевье. Переход калмыков из Центральной Азии в Восточную Европу и обратно в XVII и XVIII веках. М.: Вост. лит., 2003. 286 с.
- Материалы по истории Башкирской АССР. Ч. I. Башкирские восстания в XVII и первой половине XVIII вв. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1936. 631 с.
- Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР. Ч. I. Торговля с Московским государством и международное положение Средней Азии в XVI–XVII вв. Л.: АН СССР, 1932. 504 с.
- Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. I. М.: Вост. лит., 1999. 630 с.
- Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. II. М.: Вост. лит., 2000. 796 с.
- Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. III. М.: Вост. лит., 2005. 598 с.
- Летописи сибирские. Новосибирск, 1991. 272 с.
- Палашенков А. Ф. Материалы к археологической карте Омской области // История, археология и этнография Сибири. Томск: Том. ун-т, 1979. С. 85–95.
- Полное собрание русских летописей. Т. 36. Сибирские летописи. Ч. 1. Группа Есиповской летописи / предисл. Н. Н. Покровского, Е. К. Ромодановской. М.: Наука, 1987. 381 с.
- Потапов Л. П. Очерки по истории алтайцев. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953. 444 с.
- Потапов Л. П. Этнический состав и происхождение алтайцев / отв. ред. А. П. Окладников. Л.: Наука, 1969. 239 с.
- Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией. Т. II. СПб., 1875. 654 с.
- Русская историческая библиотека, издаваемая Ар-

- географической комиссией. Т. VIII. СПб., 1884. 639 с.
- Русско-монгольские отношения. 1607–1636.* Сборник документов / сост. Л. М. Гагаулина и др. М., 1959. 350 с.
- Русско-монгольские отношения. 1636–1654.* Сборник документов / сост. М. И. Гольман, Г. И. Слесарчук. М., 1974. 469 с.
- Русско-монгольские отношения. 1654–1685.* Сборник документов / сост. Г. И. Слесарчук. М., 1996. 560 с.
- Рычков П. И.* Топография Оренбургской губернии. Уфа: Китап, 1999. 312 с.
- Сибирские летописи.* СПб.: Импер. Археографическая комиссия, 1907. 464 с.
- Сперанский М. Н.* Повесть о городах Таре и Тюмени // Труды Комиссии по древнерусской литературе. Т. I. Л.: АН СССР, 1932. С. 101–132.
- Уманский А. П.* Телеуты и сибирские татары в XVII веке (очерк внешнеполитических отношений) // Ученые записки Барнаульского государственного педагогического института. Т. 18. Барнаул, 1973. С. 106–130.
- Уманский А. П.* Телеуты и русские в XVII–XVIII веках. Новосибирск: Наука, 1980. 296 с.
- Устогов Н. В.* Башкирское восстание 1662–1664 гг. // Исторические записки. Т. 24. М., 1947. С. 30–110.
- Khodarkovsky M.* Where Two Worlds Met. The Russian State and the Kalmyk Nomads, 1600–1771. Ithaca; London, 1992. 279 p.

УДК 94(470)

ББК 63.3 (2)46

ХАН АЮКА: ПЕРВЫЕ ГОДЫ ПРАВЛЕНИЯ

В. Т. Тепкеев

Личность хана Аюки занимает особое место в истории калмыцкого народа. Политическая деятельность и личные качества получили Аюки весьма высокую, но вместе с тем противоречивую оценку в историографии. Его первые самостоятельные шаги происходили в условиях сложной внутри- и внешнеполитической обстановки того времени.

В историографии можно найти отрывочные сведения об этом периоде его жизни¹. В данной работе дается наиболее полная историческая картина первых шагов Аюки в качестве правителя формирующегося Калмыцкого ханства, в хронологической последовательности на основе уже известных и недавно открытых архивных материалов.

¹ Впервые имя Аюки в русских документах встречается в начале 1660-х гг., и связано это было с заключением шерты в декабре 1661 г., когда главными действующими лицами этого русско-калмыцкого соглашения выступили астраханский воевода князь Григорий Сунчалеевич Черкасский и торгутский тайша Мончак (Пунцуг). Своего рода гарантией заключенного договора, особенно в условиях продолжавшейся Русско-польской войны 1654–1667 гг., должен был послужить брак между Обелханой Муцаловной Черкасской, племянницей Г. С. Черкасского, и Аюкой, сыном Мончака. Однако в течение 1660-х гг. имя Аюки уже не встречается в русских документах: скорее всего, он находился в тени своего отца и поэтому практически не имел никакого политического веса. Жизнь Аюки кардинальным образом изменилась именно со смертью Мончака, что повлекло за собой в первую очередь изменение политической обстановки в ойратском сообществе.

Калмыцкое общество, наряду с российским государством, на рубеже 1660–1670-х гг. также переживало внутренний политический кризис. Потерпев поражение в борьбе за верховенство в хошутском доме, тайша Аблай со своим улусом вслед за дядей Кунделен-Убаши откочевал с территории Среднего Прииртышья в западном направлении. В историографии устоялось мнение, что целью хошутского тайши было добиться возвращения торгутов на их старые кочевья на территории Юго-Западной Сибири. Но в случае с Аблаем имеет место настоящая экспансия хошутов, их наступление на позиции торгутов в Северном Прикаспии. Перед Аблаем, видимо, стояла вполне определенная задача: подчинить и захватить кочевья волжских калмыков [Тепкеев 2008: 32].

Сведения о вспыхнувшем на юге России восстании Степана Разина, вероятно, дали Аблаю основание считать, что царское правительство, занятое своими проблемами, не будет активно вмешиваться во внутрикалмыцкие дела. Примерно во второй половине 1669 г. происходит объединение двух ойратских групп: улусов хошутского Кунделена-Убаши с дербетскими, откочевавшими из Юго-Западной Сибири в степи Северного Прикаспия еще в начале 1660-х гг., и новоприбывшего со своим улусом хошутского тайши Аблая. Первой жертвой их совместного нападения стал улус дербетского тайши Даян-Омбо, видимо, из-за отказа от участия в коалиции. Далее удар объединен-